

НЕВРОЛОГИЯ, НЕВРОПАТОЛОГИЯ,
ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХИАТРИЯ

СБОРНИК,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 40-ЛЕТИЮ НАУЧНОЙ, ВРАЧЕБНОЙ
И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проф. Г. И. РОССОЛИМО
1884—1924

НАРКОМЗДРАВ — ГЛАВНАУКА
МОСКВА — 1925

А. П. Чехов, как педолог

И. М. СОЛОВЬЕВ.

В творчестве Чехова дети занимают отнюдь не последнее место. И это так понятно. Художник всю жизнь всегда был так чуток к простоте, искренности, правдивости. В этом он видел главную ценность человеческих отношений, и сам в этом смысле давал наглядный пример. Перелистайте, напр., все письма Чехова, и там вы не найдете с его стороны ни показного притворства, ни намеренной лжи. И это придает его переписке такой интимный, задушевный характер. Правдив и искренен он и в своем творчестве, хотя, особенно в начале своего неясного писательского пути, часто злоупотребляет шуткой и, смеясь-ради, дает заведомые шаржи. Но и в это время он просто-весело смеется, балагурит, как бы играет жизнью, не противореча самому себе, как художнику.

И во имя требования правды и искренности человеческих отношений, он беспощадно вскрывает противоречия жизни, созданные именно фальшью и скрытностью многих и многих людей.

Итак, люди испортили, исказили свою нормальную жизнь, зашли в какой-то роковой тупик и здесь мучатся и мучат других.

В этой запутанной, противоречивой среде вырастают и чеховские дети.

Она рано втягивает и их, создавая немало коллизий в детской душе, приучая и их подражать взрослым. Но Чехов всегда берет детей в их естественности и простоте. Он не будет производить над ними каких-либо особых экспериментов, как это любил делать, напр. Достоевский или Леонид Андреев, предпочитавшие намеренно бросить ребенка в сгущенно-жестокую обстановку, чтобы изобразить затем надрыв детского сердца (Нелли в „Униженных и оскорбленных“, Коля Красоткин и Ильяша в „Братьях Карамазовых“, „Ангелочек“, „Петька на даче“, „Цветок под ногой“ у Л. Андреева).

Казалось бы, например, остров Сахалин, своей специфически-извращенной средой, давал художнику большой соблазн показать сугубую обозленность и жестокость ребенка.

Но Чехов и здесь не хочет сгущать красок, хотя не искажает правды быта, показывая, как обстановка влияет на жизнь ребенка. „Когда кандалные везут тачку с песком, то дети цепляются сзади и хохочут. Играют они в солдаты и в арестанты. Мальчик, выйдя на улицу, кричит своим товарищам: „равняйся!“ „отставиты!“ Или же он кладет в мешок свои игрушки и кусок хлеба и говорит матери: „Я иду бродяжить!.. Он идет на улицу и бродяжит там, а товарищи, изображающие солдат, ловят его“.

Вы чувствуете, что художник, наблюдавший в действительности эти факты, берет этих детей в их подлинной естественности. Но он, конечно, знает, что переживают эти маленькие жертвы Сахалина, хотя, казалось бы, и равнодушно, как об обыденных фактах, говорят они о бродягах, розгах, плетях, знают, что такое палач, кандалные, мамкин сожитель.

И поистине жуткий диалог с 10-летним мальчиком („сутулым, босым“) заносит он в свою эпическую летопись о Сахалине.

— Как по отчеству твоего отца?—спросил я.

— Не знаю,—ответил он.

— Как же так? Живешь с отцом и не знаешь, как его зовут? Стыдно.

— Он у меня не настоящий отец.

— Как так—не настоящий?

— Он у мамкин сожитель.

— Ты своего отца помнишь?

— Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Каре родила. (II т. XVII гл.).

А вот 3—4 летний Алешка. На его глазах закапывают гроб матери. Он стоит и глядит вниз в могилу.

— Алешка, где мать?—спросил мой спутник.

— За-а—копали!—сказал Алешка, засмеялся и махнул рукой на могилу (II ч XIX гл.).

Так и мог только ответить 3—4 лет. ребенок, не понимая еще всего ужаса жизни.

Чехову нужны настоящие, подлинные дети, они ему понятны и близки, и их он любит воспроизводить.

Он их будет наблюдать и изучать.

Как истинный художник-педолог он постарается воспроизвести душевный мир ребенка, на основе его естественных переживаний, насколько взрослому вообще доступно их понимание.

У детей своя жизнь, свои интересы, свое мироощущение. Чехов это подчеркнет со всей решительностью подлинного педолога.

В очерке „Дома“ отец и сын, семилетний Сережа, противостоят друг другу как различные существа, которым трудно взаимное понимание. Серьезно настроенный прокурор окружного суда всеми доводами формальных рассуждений пытается довести мальчика до сознания, как нехорошо курить, тем более похищая папиросы у отца.

— У тебя есть лошадки, картинки. Ведь я их не беру? Может быть, я и хотел бы их взять, но... ведь они не мои, а твои!

— Возьми, если хочешь!—сказал Сережа, подняв брови.—Ты, пожалуйста, папа, не стесняйся, бери! Эта желтенькая собачка, что у тебя на столе, моя, но ведь я нечего... Пусть себе стоит!

Лениво цепляя фразу к фразе и подделываясь под детский язык, Быковский стал объяснять сыну, что значит собственность. Но его рассуждения совсем не доходили до чувств мальчика, у него были свои вопросы, свои восприятия, своя логика, что прекрасно понимал и резонер-отец.

„У него свое течение мыслей!—думал прокурор.—У него в голове свой мирок, и он по своему знает, что важно и что не важно. Чтобы овладеть его вниманием и сознанием, недостаточно подтасовываться под его язык, но нужно также уметь и мыслить на его манер. „Совсем иное впечатление получилось, сразу приведшее к нужным результатам, когда сказкой отца было задето чувство и воображение ребенка. Даже и эта наивная, нескладная, грубо-тенденциозная сказка „о вреде табака“ потрясла сознание Сережи.

В том же очерке великолепно представлено отношение ребенка к процессу своего художественного воспроизведения, опять-таки чуждое логическому пониманию взрослого. На его рисунке был изображен дом с кривой крышей и с дымом, который как молния, зигзагами шел из трубы до самого края четвертухи; возле дома стоял солдат с точками вместо глаз и со штыком, похожим на цифру 4.

— Человек не может быть выше дома,—сказал прокурор.—Погляди: у тебя крыша приходится по плечо солдату.

Нет, папа!—сказал он, посмотрев на свой рисунок.—Если ты нарисуешь солдата маленьким, то у него не будет видно глаз.

Нужно ли было оспаривать его? У него свои художественные требования, непонятные для взрослого. Он не только нарушает пропорциональность в соотношении величин, он звуки оркестра изображает в виде сферических дымчатых пятен, свист в виде спиральной нити. Интересен и самый процесс работы. Здесь нет предвзятости обдуманного, зафиксированного плана: образы случайно и быстро сменяют друг друга, как и саморисование быстро бросается в сторону, и ребенок готов заняться отцовской бородой, придавая отцу сходство со швейцаром и т. д.

В очерке „Гриша“ Чехов переносит нас в маленький мирок восприятий и интересов мальчика, которому только всего 2 года и 8 месяцев. Обычный круг его пространственных и предметных восприятий в детской узок, здесь все укладывается у него по своему. И как много неведомых, неописанных и страшных образов встречает он в сутолоке большого города,—тут несразу оправишься и осмыслишь все. А на каком языке передать этот калейдоскоп новых впечатлений? И делаясь с матерью, он говорит не столько языком, сколько лицом и руками. „Показывает он, как блистает солнце, как бегает лошади, как глядит страшная печь и как пьет кухарка“. Вечером ему трудно уснуть: „солдаты с вениками, большие кошки, лошади, стеклышко, корыто с апельсинами, светлые пуговицы,—все это собралось в кучу и давит его мозг“.

В истории одной поездки „Отец“ Чехов поставил себе трудную, но заманчивую задачу: воспроизвести все эпизоды этой поездки и развертывающуюся панораму природы в преломлении Егорюшки, 9 летнего мальчика. Дорога всегда склонна устремлять к мечте, пробуждая цепь разных настроений. Егорюшку она наводит на сказочные мысли: Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Непонятно и странно. Можно, в самом деле, подумать что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие лошади, вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника, и что еще не вымерли богатырские кони“. Егорюшка живо представил ряд высоких скачущих колес-

ниц, заложенных в шестерки диких бешеных лошадей вздымающих пыль к облакам, вспомнились картинки из священной истории.

Много загадочного предстало уму мальчика: на необычном месте восходит солнышко; бричка едет прямо, а мельница почему-то стала уходить влева—ехали ехали, а она все уходила влево и не исчезала из глаз и т. п. Простор степи вызывает желание и самому убежать далеко-далеко.

Чехов часто показывает нам детей в их взаимных отношениях. У каждого возраста свои требования, свои интересы. И не всегда малыши принимают в свою компанию подростков. Но с другой стороны у последних есть какая-то тяга еще к неизжитым сполна переживаниям более раннего детства, и в общении с детьми они как бы снова находят себя.

Чехов удачно иллюстрирует это на примере Дениски (в той же Степи), 20-ти летнем парне-кучере, который собирался уже жениться, но не перестал еще быть маленьким. „Он очень любил пускать змеи, гонять голубей, играть в бабки, бегать в догонки и всегда вмешивался в детские игры и ссоры. Всякому взрослому, при виде того искреннего увлечения, с каким он резвился в обществе малолетков, трудно было удержаться, чтобы не проговорить: „Этакая дубина!“ Дели же во вторжении большого кучера в их область не видели ничего странного: пусть играет, лишь бы не дрался!“

Чехов знает и психологию малыша, который в своих глазах является совсем немаленьким. Не любит он, когда и взрослые принимают его только за маленького и относятся к нему недостаточно серьезно. Так, решившийся бежать в Америку Володя и в особенности вдохновлявший его на эту авантюру Чечевицын („М а л ь ч и к и“), в своих глазах настоящие индейцы и путешественники, которым предстоит пережить так много трудного и интересного. Они не могут уже попрежнему, чисто по-детски, подойти к своим младшим друзьям — приготовление к елке их в данный момент интересовать не может, не интересуют их даже и лошади. Здесь же наглядно представлена психология гимназиста второго класса, переживающего типично авантюристический, жаждающий новых приключений возраст, увлекающийся чтением Майн Рида. Его вера в свои подвиги необыкновенна, он активно воспроизводит их заранее, разгоряченный заманчивой их силой. И со стороны, особенно в глазах девочек, он действительно как бы уже подлинный герой. Чтобы уговорить Володю, Чечевицын „рычал как тигр, изображал пароход, бранился, обещал отдать Володе всю слоновую кость и все львиные и тигровые шкуры“.

„И этот худенький, смуглый мальчик со щетинистыми волосами и веснушками казался девочкам необыкновенным, замечательным. Это был герой, решительный, неустрашимый человек, и рычал он так, что, стоя за дверями, в самом деле можно было подумать, что это тигр или лев“. В своих глазах он не обыкновенный Чечевицын, гимназист-второклассник—он подлинный Монтигомо Ястребиный Коготь.

В рассказе „Детвора“ Чехов рисует семейную группу детей, целую возрастную лестницу, с увлечением играющих в лото в ожидании возвращения взрослых. Забывается время, разгораются страсти. И у каждого возраста свой подход к игре. Игра азартная, играют на деньги, ставка копейка. Десятилетний Гриша играет исключительно из-за денег. Он волнуется, боится, завидует; „выиграв, он с жадностью хватает деньги и тотчас же прячет их в карман“. Это уже настоящий игрок. Восемилетняя сестра его Аня играет не столько из-за денег, сколько из само-

любия, желая опередить других. Шестилетнюю же Соню занимает только процесс игры: кто бы ни выиграл, она одинаково хохочет и хлопает в ладоши. А совсем маленький Алеша, пухлый, шаровидный карапузик, еще не знающий и цифр как следует, участвует в игре, как в чем-то разнообразном, вызывающем недоразумения, крики, ссору. Наконец, кухаркина сына Андрея занимает самая механика игры, эти всяческие комбинации цифр. Эти азартные игроки, разгоревшиеся в борьбе маленьких страстей и коллективных переживаний, всецело уходят в процесс игры, забывая все на свете. Тем рельефнее они оттеняются фигурой пятиклассника Васи, «свидом заспанным, разочарованным», лишь от скуки подходящего к игре малышей и неохотно ими принятого.

Нормальный ребенок не знает раздвоенности в своих переживаниях. Он целюно относится к жизни, отдаваясь настоящему моменту, действуя в нем со всей своей активностью. И если он иногда заглядывает в будущее, мечтая сам быть „большим“ и действовать более свободно и самостоятельно, то уходить в прошлое, погружаться в воспоминания он еще не может. Это прошлое всегда вытесняется и заслоняется реальным, действенным и настоящим. Но Чехов покажет нам и такого ребенка, который захочет забыться в прошлом от безотрадного, тяжелого настоящего. Более красивое и яркое прошлое и—надеется мальчик—будущее переплетаются в его воображении, и он уходит в них от гнетущей современности: Таков именно Ванька Жуков („В а н ь к а“), 9-летний мальчик, живущий в подмастерьях у сапожника.

В письме дедушке „на деревню“ он жалостливо описывает, как все им помывают, бьют шпандырем, посылают в кабаки за водкой, заставляют все ночь качать люльку и т. п., и вместе с тем вспоминает, как они с дедом ходили вырубать елку на праздники для господ („веселое было время“), как любимица Ваньки Ольга Игнатьевна научила его читать и писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. В мечте ему уже снится приятный сон: „Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам, около печи ходит Вьюн и вертит хвостом“. Словом, как будто уже началась новая жизнь. Помимо того знаменитое письмо Ваньки интересно для педагогов, как правдивый документ детской речи, образов, связи и течения представлений и восприятий признаков большой столицы, апперцептивно усняемых деревенскому деду через сравнение с фактами деревенской жизни („Дома все господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые“ и т. д.).

У Ваньки есть радости в прошлом, есть счастливая надежда и впереди. Но Чехов покажет нам и такую жизнь подростка, из которой нет выхода. Тринадцатилетняя Варька душит ребенка в колыбели („Спать хочется“), так как из-за него она дни и ночи не спит, качая колыбель ночью, отбывая всяческие поручения в течения долгого дня. Она не живет, а полудремлет, видя в своих прерываемых снах только тяжелую жизнь своей матери, болезнь и смерть отца. И только после своего преступного акта она хоть на одну ночь радостно забывается в сне: „Задушив ребенка, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая“.

Это уже предельный ужас детского сердца. Как и в жизни взрослых, свет и тени чаще переплетаются равномерно: А у детей смех и слезы, радость и горе обычно живут и совсем рядом. Радостные события могут сменяться неожиданными разочарованиями. Эти противоречия жизни и начинает на себе познавать ребенок.

Большое, радостное событие в жизни Вани (6 л.) и Нины (4 л.) это появление котят в доме („С о б ы т и е“). Чехов прекрасно знает, какую воспитывающую власть над детьми имеют маленькие животные. Они ближе, понятнее детям, требуя от

них сочувствия, ласки, покровительства. Но тут же и масса всяческих недоуменных вопросов. Котята слепые, им надо пооткрывать глаза. Кто их отец, нельзя же ведь без отца! Пусть будет отцом, например, игрушечная лошадка или, еще лучше, живая собака. Дети целые дни поглощены котятами, хлопотами об их предстоящей судьбе „Котята своим появлением на свет затемняют все и выступают, как живая новость и злоба дня. Если бы Ване или Нине за каждого котенка предложили по пуду конфет или по тысяче гривенников, то они отвергли бы такую мену без малейшего колебания“, заявляет автор. Но вот названный отец, эта большая собака Неро съедает „своих детей“. Для лакея Степана это только забавно, да и другие люди лишь дивятся аппетиту громадной собаки, детям же кажется, что все должны теперь всполошиться и наброситься на злодея Неро, они плачут, как бы непосредственно переживая обрушившийся на кошку и на них самих ужас.

Чехов любит ставить детей перед тайнами ожидающей их жизни. И он прислушивается не только к обычным „серьезным“ вопросам своих шести-семилетних героев (это самый любимый возраст Чехова), напр. „Отчего это, когда комары кусаются, то у них делаются животы красные? Отчего они не спят ночью? Отчего у иных людей веснушки на лице? (Петя 6 л. в „Лишних людях“) и пр. непонятны для них прежде всего отношения между мужчинами и женщинами, подводя тем самым к какой-то основной тайне жизни. Иные дети с любопытством следят за проявлениями интимных отношений среди близких людей, делая свои выводы („Злой мальчик“, „Зиночка“), но чаще просто недоумевают и встают в тупик.

Так, семилетний Гриша поражен, зачем кухарке Пелагее нужно жениться, раз она сам боится этого страшного извозчика, с красным носом, в валенках... „Кухарка женится“).

— Странно. Не понимаю, зачем это жениться? Мамаша женилась на папаше, кузина Верочка — на Павле Андреиче. Но на папе и Павле Андреиче, так и быть уж, можно жениться: у них есть золотые цепочки, хорошие костюмы, у них всегда сапоги вычищенные; но жениться на этом страшном извозчике с красным носом, в валенках... фи! И почему это няньке хочется, чтоб бедная Пелагея женилась?“

Грише представляется, что происходит какое-то насилие, что Пелагея является жертвой. „Бедная, бедная! — думал Гриша, прислушиваясь к рыданиям кухарки. — Куда ее повели? Отчего папа и мама не заступятся?“ И опять задача для Гриши: жила Пелагея на воле, как хотела, не отдавая никому отчета, и вдруг ни с того, с сего явился какой-то чужой, который откуда-то получил право на ее поведение и собственность. Грише стало горько. Ему страшно, до слез захотелось приласкать эту, как он думал, жертву человеческого насилия“.

Еще сильнее недоумения Алеши (8 л.) („Житейская мелочь“), которому приходится раздвигаться между отцом, с которым он тайно видится, и матерью, живущей с Николаем Ильичем. Последнему он проговаривается о своих свиданиях с отцом и под честным словом (он знает ему цену!) подробно рассказывает о своем любимом отце, осуждавшем поведение Николая Ильича: „Он не бранит, но, знаете ли... сердится на вас. Он говорит, что через вас мама несчастна и что вы... погубили маму. Ведь он какой-то странный! Я ему растолковываю, что вы добрый, никогда не кричите на маму, а он только головой качает“...

А папа и еще добрее: „Добрейший человек! Я не знаю, зачем это мама не позовет его к себе жить и запрещает нам видаться с ним. Ведь он очень любит маму... Когда она была больна, то он схватил себя за голову вот этак и... и все бегаёт, бегаёт. Все просит нас, чтобы мы слушались ее и почитали. Послушайте, правда, что мы несчастные?

— Гм... Почему же?

— Это папа говорит. Вы, говорит, несчастные дети. Даже слушать его страшно. Вы, говорит, несчастные, я несчастный и мама несчастная. Молитесь, говорит, богу и за себя и за нее.

Но когда Беляев грубо нарушает честное слово и матери Алеши бросает жесткие обвинения, ссылаясь, при нем же, на эти его откровенные признания, мальчик переживает истинную трагедию первого разочарования в близких людях „и с ужасом“ рассказывает Соне, как его обманули. Он дрожал, заикался, плакал; это он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью“.

Так умеет Чехов заглянуть в детскую душу, чутко воспроизводя в своих маленьких рассказах своеобразные переживания различных детей. Только внимательное любовное наблюдение позволило ему так правдиво об'ективировать свой тонкий опыт художника-педолога.

Tschechhoff comme pédologue

Par le Prof. J. SOLOVIEFF. (de Moscou).

Ler enfants occupent dans les oeuvres de Tschechhoff une place assez importante; ils l'attirent par leur ingénuité et la candeur de leurs sentiments. Tschechhoff dépeint l'âme de l'enfant en l'observant et en l'étudiant en sa qualité de pédologue. Et quoique les enfants dans les oeuvres de Tschechhoff appartiennent au même milieu compliqué et contradictoire que la plupart de ses héros, ils restent néanmoins enfants, dont l'âme pure et cristalline démasque impitoyablement les contradictions de la vie créée par le manque de sincérité des adultes.
